

Валерий Гергиев: «Не хочу быть плохим россиянином» | Valery Gergiev : «Je ne veux pas être un mauvais Russe»

Автор: Надежда Сикорская, [Берлин](#) , 22.07.2015.

Валерий Гергиев (Nashagazeta.ch)

Завтра в Вербье российский маэстро встанет за пульт Фестивального молодежного оркестра, почтит память Майи Плисецкой и даже сам сядет за рояль!

|
Demain le maestro russe dirigera l'Orchestre du Verbier Festival, rendra hommage à Maïa Plissetskaïa et même se mettra au piano !

Valery Gergiev : «Je ne veux pas être un mauvais Russe»

Начиная с 2004 года один из самых востребованных музыкантов мира, глава прославленного Мариинского театра регулярно приезжает на Фестиваль в Вербье, где работает с молодежным оркестром, общается с коллегами и поклонниками и, как нам кажется, получает возможность хоть немного расслабиться. В этом году меломаны тоже с нетерпением ждут его выступления в высокогорной швейцарской деревушке, предвкушая, и не без оснований, нечто необычное. За несколько месяцев до этого события нам представилась редкая возможность спокойно побеседовать с маэстро об искусстве и политике, которые, увы, часто пересекаются. Дело было в Берлине, где Валерий Абиссалович дирижировал Оркестром Берлинской филармонии. До кончины Майи Михайловны Плисецкой оставалось два месяца – мы решили не менять оригинальный текст интервью, будучи уверены, что наши читатели все поймут.

Валерий, о Вас складывают легенды, и о Вас ходят слухи. Первые касаются Вашей невероятной работоспособности: говорят, что Вы выступаете чуть ли не каждый день в году, и интересуются, где Вы покупаете такие долгоиграющие батарейки? Вторые утверждают, что подобный ритм имеет и негативный эффект - Вам случается опаздывать на собственные концерты и спектакли, а порой Вы, находясь в одном месте, вдруг вспоминаете, что обещали быть в другом. Чему верить? Чему не верить?

Я люблю выступать. Я дирижирую прекрасными оркестрами, как правило, с прекрасными солистами. Мне легче стоять перед оркестром, чем быть атакованным десятками людей в моем кабинете или в любой гостинице, где я останавливаюсь. Во время репетиций и концертов мне никто не звонит, поэтому дирижирование утомляет меня гораздо меньше.

И то и другое неправда. Но если я буду реагировать на все, что обо мне говорят и пишут, то на это будет уходить все мое время. Поэтому я отношусь ко всему спокойно. Действительно, я люблю выступать. Я дирижирую прекрасными оркестрами, как правило, с прекрасными солистами. Мне легче стоять перед оркестром, чем быть атакованным десятками людей в моем кабинете или в любой гостинице, где я останавливаюсь. Во время репетиций и концертов мне никто не звонит, поэтому дирижирование утомляет меня гораздо меньше.

Слово, которое все время вертится на языке, когда думаешь о Вас, - это «громатье». Вас очень много. Такое ощущение, что Вы - везде. Руководство огромным Мариинским театром, восемью фестивалями, зарубежным оркестром, участие во всех общественно значимых российских событиях. Как Вам удается все это совмещать, и есть ли предел?

Что касается Лондонского оркестра, с которым я сотрудничаю уже девятый год, то мне не приходится заниматься никакими административными вопросами, только творческими. А выступить с ними, поехать в турне – это не так сложно. Думаю, что будущая моя позиция с Мюнхенским филармоническим оркестром – контракт заключен с сентября 2015 года – тоже станет интересным опытом: я никогда еще плотно, на постоянной основе не работал с немецким оркестром, а ведь Германия –

страна музыки, поэтому я отношусь к этому очень серьезно.

Остается ли у Вас хоть немного времени на семью? Как часто Вы видите своих детей?

Остается, но не так много. Дети занимаются музыкой, фортепиано, и я иногда стараюсь обратить их внимание на какие-то небольшие музыкальные идеи. Старшему сыну 14 лет, он выглядит сейчас более убедительно, чем годом раньше, а в прошлом году выглядел убедительнее, чем двумя годами раньше. Так что если так пойдет, то к 15-летию, может быть, он будет уже представлять из себя если не что-то необычное, то, по крайней мере, интересное.

В 1988 году, в Ваш первый сезон на посту главного дирижера тогда еще Кировского театра, Вы провели фестиваль, посвященный операм М.П. Мусоргского. В дальнейшем тематические фестивали стали традицией, ими были отмечены юбилеи Чайковского, Прокофьева, Римского-Корсакова. Со временем вы вернули, а то и впервые вывели на мировые оперные сцены русскую классику - «Хованщину», «Мазепу», «Царскую невесту», «Иоланту». Практически ни одна Ваша концертная программа не обходится без произведений русских композиторов. Это развивалось последовательно, или изначально существовал грандиозный план продвижения русской музыки?

У меня был план укрепления российского музыкального театра. Не секрет, что русская музыка – громадный пласт мировой культуры. И оперы, и балеты, и симфоническая музыка, и хоровая, и инструментальные концерты – огромное количество сокровищ создано. И я прекрасно понимал даже 27 лет назад, что для коллектива – а тогда это был численно другой коллектив, в театре работало около тысячи человек, а теперь четыре – сосредоточиться на работе над операми Мусоргского, даже не завершенными, – это крупнейший шаг и редкий шанс. И действительно, моментально взлетело новое поколение, они оказались на орбите. Несколько месяцев назад их никто не знал, а они взялись за крупные, важные работы. Ольга Бородина, например, взялась за «Саламбо», за Марфу в «Хованщине», грандиозную партию, после которой Марину Мнишек в «Борисе Годунове» петь уже несложно. Так что молодая изумительная певица в рамках этого фестиваля показала три крупные работы. И не только она, всех не перечислю, но смысл в том, что очень быстро мир узнал имена новых певцов.

Помог нам, прежде всего, конечно, Мусоргский; излишне говорить, что это великий композитор. Такой оперы, как «Хованщина», нет в анналах русской музыкальной традиции. В какой-то степени ее можно сравнивать с громадными полотнами Вагнера, может быть, Берлиоза. Но настолько русской оперы, настолько могучей, с таким размахом, такой неспешной, с одной стороны, и одновременно с таким накалом, с такой энергетикой – второй просто нет. И я прекрасно отдавал себе в этом отчет.

Получив в 1988 году назначение возглавить Мариинский театр, я получил и возможность этот проект осуществить. Мне кажется, то, что я начал с таких глубоко русских, масштабных полотен (весь «Борис Годунов», вся «Хованщина», без купюр, – спектакли по четыре-четыре с половиной часа) – это было тогда очень необычно. Многие считали меня полусумасшедшим, а один из певцов, когда узнал, что «Хованщина» пойдет без купюр, предрекал, что я не продержусь в театре больше нескольких месяцев.

Вы не ограничиваетесь «чистой классикой» XIX века, но очень часто исполняете, например, Прокофьева, а в последние годы постоянно сотрудничаете и с нашим живым классиком – Родионом Щедриным. Можете об этом рассказать?

О «живом классике»: я с большим удовольствием работаю над замечательными оперными и балетными партитурами Родиона Щедрина, потому что я совершенно четко осознаю, что у меня есть уникальная возможность сотрудничать с великим композитором, как Направник сотрудничал когда-то с Мусоргским или Чайковским. Я не люблю давать исторические оценки и загадывать, что скажут через сто лет или через двести, я просто получаю большое удовольствие от того, что у нас в театре в хороших постановках идут и «Конек-горбунок», и «Анна Каренина», и «Очарованный странник», и «Мертвые души», и «Левша», и «Кармен-сюита». Знаете, для живущего композитора иметь шесть (или пять с половиной, если учесть, что авторы «Кармен-сюиты» – Бизе и Щедрин) спектаклей, идущих на сцене одного – и не какого-нибудь! – театра, – это редкость. К тому же мы исполняем его хоровую оперу «Боярыня Морозова», прекрасное произведение, да и на будущее у нас есть с Родионом Константиновичем планы.

Многие считали, что вывозить «Очарованного странника» на гастроли в

Америку было рискованно, так как реакция публики и критики на сочинение современного композитора была непредсказуемой.

Я вообще не понимаю, что такое риск, когда речь идет о сильном музыкальном творении. И не очень верю в угрозу, которую представляют собой американские журналисты. А публика явно осталась довольна.

Я с большим удовольствием работаю над замечательными оперными и балетными партитурами Родиона Щедрина, потому что я совершенно четко осознаю, что у меня есть уникальная возможность сотрудничать с великим композитором, как Направник сотрудничал когда-то с Мусоргским или Чайковским. **Вы не только утверждаете русский репертуар за рубежом, но и знакомите российскую аудиторию с «упущенными» ею шедеврами, причем не только иностранными.**

Тут я бы начал с Прокофьева. Распространяться о его величии бессмысленно, это уже установленная истина. Это надо было делать лет пятьдесят назад, и не мне. И, к счастью, были люди – я «обнаружил» величие Прокофьева вслед за Рихтером, Мравинским, Ойстрахом, Ростроповичем и многими другими нашими великими музыкантами. Я свое скромное место занял и буду продолжать исполнять его музыку в России и за рубежом.

Мне кажется, что у коллектива Мариинского театра сложились уже совершенно особые, чуть ли не родственные узы с музыкой Прокофьева – такова степень углубления в его творчество. Такое количество его произведений освоено, поставлено, столько раз мы к этому возвращались! Сегодня у нас «Обручение в монастыре» идет так же часто и естественно, как «Свадьба Фигаро» в Венской опере. И «Семен Котко», и «Война и мир» в недавней постановке, «Огненный ангел», «Игрок», «Любовь к трем апельсинам». Мощные, блестящие, огненные произведения, которые и обжигают, и завораживают. Кстати, мой предшественник, Юрий Хатуевич Темирканов, тоже обожает Прокофьева, и спектакль «Обручение в монастыре» восстанавливался еще при нем. Обращался он тогда и к «Войне и миру», а я был у него ассистентом. Очень здорово, что Мариинский театр никогда не отходил далеко в сторону от главных прокофьевских творений. Понятно, что «Золушка» и «Ромео и Джульетта» должны идти всегда, но мы сделаем все возможное, чтобы со временем зрители увидели и балеты «Шут» и «Стальной сток», созданные в период экспериментирования, дерзких попыток обратить внимание на очень русские, даже советские темы.

Говоря об открытиях, нельзя не упомянуть возвращение Вами на петербургскую сцену опер Р. Вагнера «Лоэнгрин», «Парсифаль», «Летучий голландец», «Тристан и Изольда», а также первую в России постановку, да еще на языке оригинала, тетралогии «Кольцо нибелунга» - иметь ее в афише почитает за честь любой ведущий театр мира, одна я не могу назвать ни одного, который смог бы осуществить такую постановку силами собственной труппы.

Я задумался об этом проекте еще двадцать лет назад, и постепенно мы его осуществляли. Действительно, Вагнер у нас представлен мощно – восемью операми.

Вы, безусловно, один из самых востребованных музыкантов современности, дирижируете ведущими оркестрами. Однако регулярно находите время для

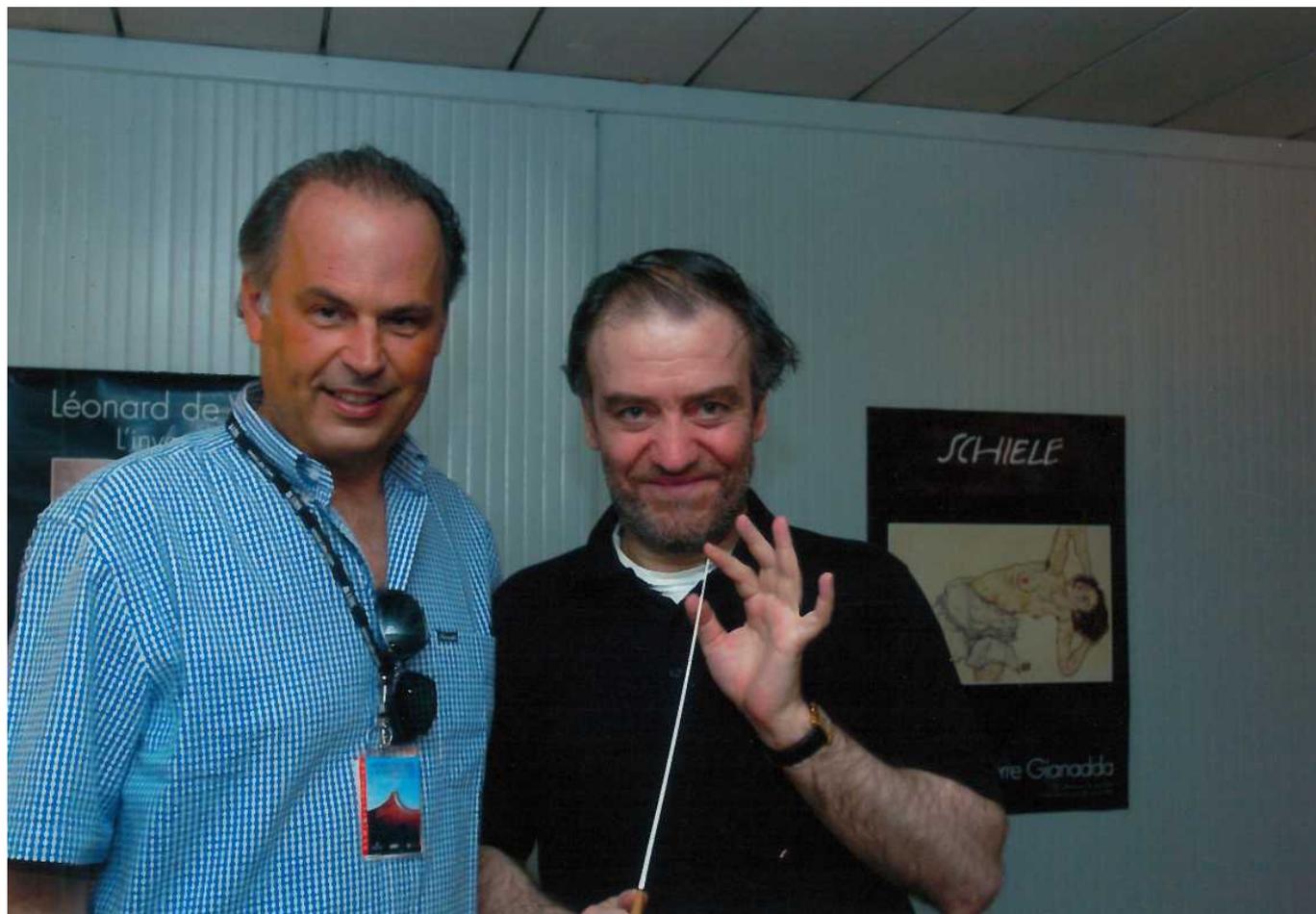
участия в Фестивале в Вербье и работе с молодежным фестивальным оркестром. Почему Вы это делаете? Что Вам это дает?

Я люблю работать с молодежью, я люблю бывать в Вербье. Мне нравится, как Мартин Энгстром организовал, развивает и обогащает этот уже очень известный фестиваль, как он фокусируется на работе с молодежью, с каким вниманием относится к юным талантливым артистам, давая им возможность выступить с давно признанными мастерами. Это очень хорошая идеология. К тому же мы с Марином друзья, что для меня важно. Я не люблю ходить в гости к людям, с которыми чувствую себя некомфортно. Если Фестиваль – это Дом, то в этом доме мне всегда приятно возвращаться.

Одна из самых привлекательных черт Фестиваля в Вербье – его сюрпризы, в частности, рождающиеся на глазах фестивальной публики невероятные ансамбли. И нынешний выпуск не станет исключением: отложив ненадолго дирижерскую палочку, Вы сядете за рояль, чтобы вместе с Денисом Мацуевым и Даниилом Трифоновым сыграть концерт Моцарта для трех роялей. Как родилась эта идея, что это будет за событие?

Событие, думаю, будет необычным, публика сможет еще раз оценить, как прекрасно играют два российских пианиста.

И примкнувший к ним Гергиев...

Идея была Мартина, я когда-то играл этот концерт, но было это не вчера. А вот если в Вербье и будет происходить что-то интересное в этот вечер, то это связано с

именем Майи Михайловны Плисецкой, легендарной личности. Бог отпустил так много этой величайшей балерине и изумительному человеку, что хватит на весь фестиваль! Вот это я всем советую не пропустить.

Вы - выдающийся музыкант, но все признают в Вас и выдающегося менеджера. Такого явления до Вас в нашей стране вообще, кажется, не существовало - артисты организационными вопросами не занимались. Это было для Вас внутренней потребностью, или жизнь заставила?

Знаете, я мальчишкой бегал на пруд - вроде плавать учился, было мне лет девять. А там рядом протекает быстрая и опасная горная река Терек, воспетая Пушкиным и Лермонтовым. Мальчишки постарше имели омерзительную привычку учить младших плавать - просто скидывали в воду, а она бурная, там камни, валуны, тонули многие. Естественно, я не стал исключением и в один прекрасный день оказался в волнах Терека, и мне надо было выплывать. Шансов было немного - метрах в двадцати находился водопад, а это конец. Конечно, сбрасывать не умеющих плавать людей в горный поток нехорошо, но так я научился плавать.

В 1988 году, когда я принял руководство Кировским театром, произошло то же самое. Конечно, я был старше, мне было почти 35 лет. Но в условиях распадавшегося уже тогда Советского Союза огромный мощный коллектив мог если не утонуть, то пройти через чудовищные испытания. Так что я никакой не менеджер, конечно, но определенную твердость проявлял с первой минуты.

А то, что я понимал, что у Мусоргского, Прокофьева, Вагнера, Верди и так далее можно кое-чему научиться, так это мне в плюс, и это нас и вывезло. Многие не понимают, что оркестр - это не только и не столько дирижер, сколько композитор, который учит оркестр. Постигая композитора, все мы, музыканты, растем. Даже музыкант, который не играет, а только слушает, все равно растет.

Все прекрасные певцы, раскрывшиеся в Мариинском театре, пришли в те трудные годы. К уже названным именам Ольги Бородиной и Владимира Галузина можно добавить Анну Нетребко, Ильдара Абдразакова, Евгения Никитина, Михаила Петренко, Алексея Маркова, Екатерину Семенчук...

А к 1996 году я отвечал уже за весь театр и обязан был думать и о финансовой составляющей. Тогда, в 2000 году, был создан попечительский совет, который возглавили два выдающихся человека – Герман Греф, в то время министр экономического развития, и Алексей Кудрин, министр финансов. После этого войти в Совет стало считаться престижным для многих влиятельных людей. Благодаря мощной поддержке и в России, и из-за рубежа за последние 15 лет мы смогли осуществить ряд крупных проектов, о которых не могло бы быть и речи. Достаточно упомянуть Московский Пасхальный фестиваль или праздник в честь 300-летия Санкт-Петербурга, когда в течение трех месяцев к нам приезжали ведущие коллективы и исполнители со всего мира. За последний Пасхальный фестиваль мы посетили 25 регионов России, давая по два концерта в день – детский и взрослый. Наверное, можно сказать, что я не терял времени даром.

Понятно, что такая мощная финансовая поддержка в России связана с поддержкой политической.

Это пришло не сразу. Наши первые смелые проекты – например, фестивали Мусоргского и Прокофьева – мы проводили совершенно самостоятельно, безо всякой государственной поддержки. На том начальном этапе Мариинский театр больше всех поддержали его артисты, мы часто работали тогда бесплатно. Называйте это как хотите – альтруизм, скромность, понимание момента, патриотизм, профессионализм, высокие человеческие качества, но я спокойно давал по 70-80 бесплатных концертов в год, компенсируя это концертами за рубежом, гонораров от которых мне вполне

хватало на мои нужды.

В СССР, пока он не распался, я был одним из самых высокооплачиваемых людей – получал 1200 рублей в месяц, поскольку еще со времен Сталина было принято считать, что руководители Большого и Кировского театров – это главные специалисты в области культуры. Это были неслыханные деньги!

То, что Вы самый знаменитый в мире осетин, – это факт. Многие считают Вас также и вообще самым знаменитым из современных россиян после президента Путина. Вы согласны с такой оценкой?

Нет, у нас много замечательных людей. Это еще одно доказательство того, что «остальной мир» плохо разбирается в ситуации в России. Я готов быть посчитанным в первой сотне, но никак не быть вторым.

Вы неоднократно говорили в различных интервью, что не надо смешивать искусство и политику, однако на деле этого не получается, так как обе эти области затрагивают чувства и эмоции людей. Сегодня Вас многие считают человеком, проводящим через культуру политику президента Путина. Его поддерживают многие, но Вы делаете это активнее других. Почему?

Его, действительно, поддерживают очень многие, и верить в своего президента – это не грех. Если в Америке половина поддерживает демократов, а половина – республиканцев, и те и другие не грешат. В России сегодня огромное большинство поддерживает Путина. Запад не разобрался в ситуации с Украиной, надо об этом прямо говорить, и это я говорю не как сторонник Путина, а как Валерий Гергиев. А я был Валерием Гергиевым и общался со многими главами государств – США, Японии, Китая, Германии, Израиля, Омана, Арабских Эмиратов и так далее – еще до того, как Владимир Путин стал президентом. Эти люди почему-то считали важным прийти на наш концерт, а придя, считали невежливым не зайти поприветствовать артиста. Вот и все объяснение – вопрос вежливости. А потребности «пожать руку» великим у меня не было и нет.

Россиянин, не испытывающий гордости за свою страну, в том числе за ее великую культуру, – это плохой россиянин, и я таким быть не хочу. Я горжусь тем, что родился, вырос и работаю в России, и стараюсь делать все от меня зависящее, чтобы область, в которой я компетентен, была обеспечена надежной и крепкой творческой силой. Разобраться же в Путине все равно придется. Сегодня бешеные размеры коррупции в Украине – а я отдаю себе отчет в том, что говорю, – никого в Европе не волнуют. Конечно, во многих странах есть коррупция, в том числе в России. Но не в таких масштабах. Поэтому главная проблема Украины – не в России, а в себе самой. Захватить власть и тут же попытаться запретить значительной части населения говорить на родном языке – подобных исторических примеров навскидку не вспомнить, хотя если покопаться, они есть. Представьте себе, что в Америке запрещают общаться на испанском?! Однако в Украине все это проходило при молчаливой поддержке Европы и активной – США.

То, что в Крыму не убили ни одного человека, – это единственная хорошая новость за последний год, на мой взгляд. А то, что потом погибло, по имеющимся данным, более семи тысяч – новость очень плохая. Мог ли Путин предотвратить массовую гибель невинных людей? Наверное, мог. Но для этого он должен был бы нарушить определенные правила, что, очевидно, счел чрезмерным: ввести войска и встать на

границе Донбасса и не дать проливать русскую кровь. Может быть, это был шанс, отпущенный ему богом, и я допускаю, что теперь он сожалеет, что им не воспользовался.

В 2004 году Вам было присвоено звание «народный артист Украины», которое, насколько я знаю, никто не отменял. Однако многие ваши поклонники на Украине, среди которых немало и профессиональных музыкантов, для которых Вы были эталоном, говорят, что открытой поддержкой политики Путина в Крыму и на Украине и подписанием печально известного «письма Мединского» Вы их предали, и бойкотируют ваши концерты.

По поводу письма. У меня были тогда перед глазами кадры избиения безоружных людей боевиками «правого сектора». И когда меня просто спросили, что я думаю о ситуации, я ответил, что Крым надо спасать. Вот и все. А поклонникам и далеким от меня людям на Украине я могу сказать, что совесть моя чиста. Я бы посоветовал им спокойно задуматься о том, что произошло, если у них есть на это силы.

Когда мы с оркестром Мариинского театра дали концерт в Цхинвале, это не Путин дал мне указание, а близкий друг оттуда мне позвонил и сказал: «Тут Сталинград, все разнесли». И я нашел единственную возможную дату, и мы полетели. Некоторые мои грузинские друзья – а их у меня очень много – тоже считали тогда, что я кого-то предал, забывая, что я осетин.

Кстати, я реагировал не только на события в Осетии или на Украине, но и на цунами в Таиланде, и на землетрясение в Японии. К счастью, у меня есть возможность и перечислить энную сумму денег просто из своего кармана, и дать концерт в пользу жертв этих трагедий. Когда я устраивал концерт в Беслане, мне помогал Оркестр Венской филармонии, Анна Нетребко, Дмитрий Хворостовский, Пласидо Доминго. Все понимали, что надо что-то сделать. Так что маленький гуманист во мне достаточно живуч.

Возможно ли в обозримом будущем Ваше выступление в Киеве?

Пока таких планов нет. Я очень люблю этот город, особенно люблю выступать в изумительном Театре оперы и балета и делал это неоднократно – кстати, почти всегда я сам находил деньги для обеспечения этих гастролей, так как считал это важным.

Но, возвращаясь к России, хочу сказать, что, на мой взгляд, россиянин, не испытывающий гордости за свою страну, в том числе за ее великую культуру, – это плохой россиянин, и я таким быть не хочу. Я горжусь тем, что родился, вырос и работаю в России, и стараюсь делать все от меня зависящее, чтобы область, в которой я компетентен, была обеспечена надежной и крепкой творческой силой.

Как Вы хотите войти в историю – как великий музыкант? Великий менеджер? Великий соратник Путина?

Пока что я хочу еще немножко пожить...

[Россия](#)

[российско-швейцарские отношения](#)

[Валерий Гергиев](#)

Статьи по теме

[Гергиев прилетел в Вербье с восемью валькириями](#)

[Швейцарское турне Лондонского симфонического оркестра под управлением](#)

[Валерия Гергиева](#)

Source URL:

<https://nashgazeta.ch/news/les-gens-de-chez-nous/valeriy-gergiev-ne-hochu-byt-plohim-rossiyaninom>